

12 4 ИЮЛ 1988

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

«Знаешь, как прибой шумит...»

Флотская страница из биографии Василия Шукшина

«...Не было у нас за последнее десятилетие такого художника, который бы столь уверенно и беспощадно врывался во всякую человеческую душу и предлагал ей проверить, что она есть, в каких просторах и далях она заблудилась, какому поддалась соблазну, или, напротив, что помогло ей выстоять и остаться в верности и чистоте. Читателем и зрителем Василия Шукшина остается вся Россия от самых высоких умов до самых падших душ; его талант — это прежде всего голос взыскующей совести». Эти проникновенные строки В. Распутина мне захотелось еще раз перечитать, когда я увидел красавец-теплоход с именем Василия Шукшина на борту.

И я подумал, что неисповедимыми путями вернулось имя писателя туда, где жила его душа, — на море. О том, что помимо основной творческой деятельности — прозаика, драматурга, кинорежиссера и актера — была у него еще одна сторона жизни, менее известная, флотская, мне открылось в дни поездки на родину Василия Макаровича в село Сrostки.

Уже в Бийске повезло: я познакомился с людьми, хорошо знавшими Шукшина, — научным сотрудником краеведческого музея имени В. В. Бианки Виктором Николаевичем Шипиловым и кинооператором Владиславом Александровичем Ковердяевым. Позже довелось встретиться с сестрой Василия Макаровича Натальей Макаровной и ее сыном Сергеем.

Сrostки. Название этого местечка широко известно теперь в нашей стране. Для советских людей сегодня оно так же дорого, как пушкин-

ское Михайловское или есенинское Константиново. Сотни тысяч посетителей принимает дом-музей писателя, где в конце июля проходят Шукшинские чтения. Это закономерно. Ведь постичь таинство личности такого художника можно, лишь побывав здесь, на его родине, что напитала душу Василия Макаровича живительными соками.

Красота этих мест поразительна. С пологой горы Пикет открывается синь алтайских просторов, раскинувшихся по обе стороны поймы неспешной Катунь и обрамленных по горизонту едва различимыми в белесой дымке горными вершинами. Дом-музей, где проходят чтения, стоит у подножия Пикета, на пригорке. Отсюда глазами предстает чарующая панорама закатуной долины, самого села, расцеченного стрелой Чуйского тракта; за ним — совхозные поля, куда мальчишкой возил Шукшин на быках воду.

Сrostкинцы-старожилы говорят, что когда-то на том месте был дом мироедов Любавиных и что Василий Макарович в романе «Любавины» написал про них «чистую правду». Купил он этот дом в 1965 году матери Марии Сергеевны на свой первый крупный гонорар, полученный именно за роман «Любавины». Во время приезда из Москвы благоустроивал его, строил летнюю кухню, баню. Многие здесь было задумано, начато, завершено. Сюда не раз приезжали к нему и товарищи по искусству.

Сколько сокровенных, шепчущих слов Шукшин написал о своей земле и ее тружениках. «Редко кому завидую, — писал он, — а завидую моим

далеким предкам — их упорству, силе огромной... Представляю, с каким трудом проделали они этот путь — с Севера Руси, с Волги, с Дона на Алтай... Они обрели — себе и нам, и после нас — прекрасную родину...»

Здесь, на Пикете, и услышал я, как любил Василий Макарович море. Владислав Александрович Ковердяев взглянул в необозримую даль и сказал:

— С Василием Макаровичем довелось говорить о многом. Помню, раз после съемок уложил я кинокамеру в футляр, собрался отдыхать. Шукшин подходит и спрашивает: «Слава, а на море ты бы не махнул?». Я отвечаю, что, мол, и тут работы хватает, а он улыбается: «Эх, ты! Ведь и моря по-настоящему не видел. А знаешь, как прибой шумит? А чайки? Было бы время — обязательно в дальний рейс вышел». Знаю, что с большим удовольствием Шукшин читал Паустовского, Соболева, Грина и других моряков. И в последнее время судостроением, особенно древним, очень интересовался. Он самым серьезным образом готовился к съемкам фильма «Степан Разин». А в нем без судов было бы не обойтись. Помните песню: «...выплываю расписные Стеньки Разина челны?»

Ковердяева поддержала Наталья Макаровна, сестра писателя:

— Вася ведь на флоте служил. Мама как подучит, бывало, от него письмо, так не нарадуется. Гордилась очень, что сын — военный моряк. А служил Вася на флоте с 1949 по 1952 год.

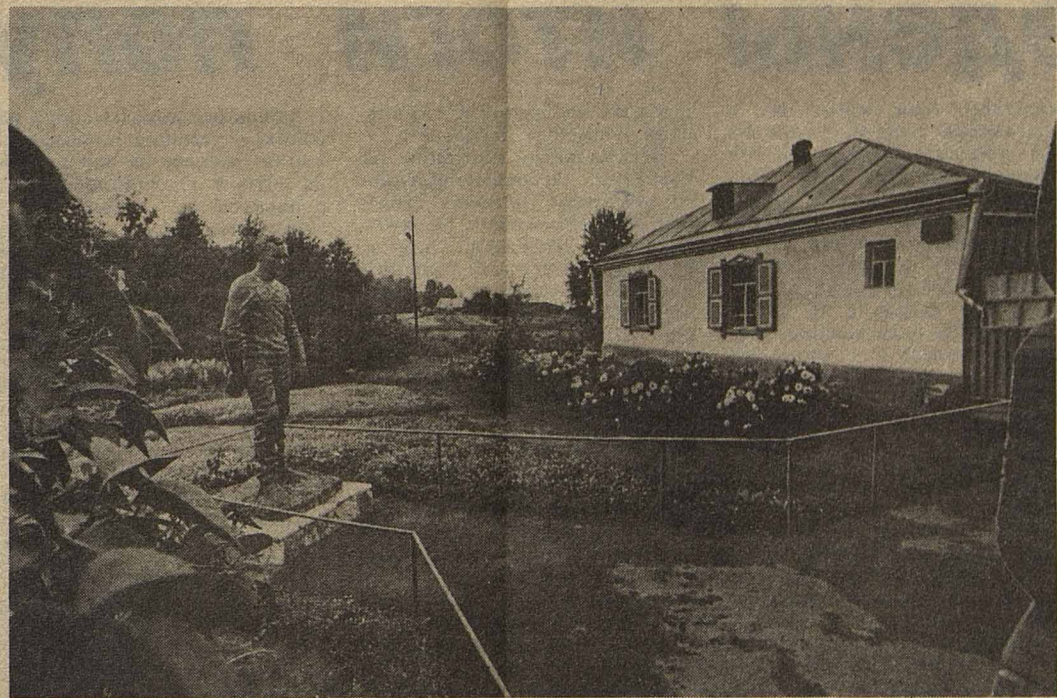
Разговор продолжил Сергей — племянник Василия Макаровича:

— Мы с дядей Васей однажды поехали в Астрахань. Он долго у местных властей катера добивался. А как из порта вышли, на глазах просто преобразился, все повторял: «Красота, красота-то какая!» Море он очень любил, но мне о своей флотской службе почти ничего не говорил. Я его понимал. Ведь Василия Макаровича по болезни списали. А кому приятно об этом вспоминать?

Больше в тот день ничего о морском бытии Шукшина узнать не удалось. Но чуть позже кое-что прояснил неутомимый историк Виктор Николаевич Шипилов, у которого оказалась кипа всевозможных выписок и документов.

Вот что писал Василий Макарович в автобиографической записи 1966 года: «В 1949 году был призван служить во флот. В учебном отряде был в Ленинграде, служил на Черном море, в Севастополе. Военское звание — старший матрос, специальность — радист». Больше никаких подробностей об этом периоде своей жизни у Шукшина нет. Встречаются лишь отдельные разрозненные факты: «Служил действительную, как на грех, во флоте, где в то время, не знаю, как теперь, витал дух некоторого пижонства: ребятки в основном все из городов, из больших городов, я и помалкивал со своей деревней» («Слово о «малой родине»). «Еще помню библиотеку в Севастополе. Служил матросом и ходил в офицерскую библиотеку» (Из беседы с корреспондентом «Комсомольской правды» весной 1973 года).

Наверное, какие-то интересные детали из матросской

жизни были в письмах Шукшина матери, но письма эти не сохранились. Трудно переоценить свидетельства о флотской службе Шукшина его сослуживцев Николая Шмакова, Валентина Мерзликина, Александра Маевского. Как же служил Шукшин?

Прибыл Василий в Севастополь в мае или июне 1950 года. Попал он в отделение к Валентину Мерзликину, где служили матросы, призванные в апреле — июне 1947 года. Почти все они пережили войну, пришли на флот с мозолистыми руками. А в городе было еще немало следов минувшей войны. Матросы участвовали во всех городских субботниках и воскресниках по восстановлению разрушенных зданий и благоустройству улиц.

Шукшин постоять за себя умел, да и хлебнуть ему в жизни пришлось немало, так что он быстро завоевал авторитет у моряков. Те, кто в 50-е годы служил на флоте, помнят, насколько плотным

был распорядок дня: боевые дежурства, наряды, смотры, боевая, политическая и физическая подготовка. Тут только успевай поворачиваться. А Василий умудрялся еще забегать в Морскую библиотеку. Матросу, чтобы записаться туда, требовалось ходатайство командира части. Шукшин этого добился. Зачитывался морскими рассказами К. Станюковича, романами Джека Лондона, произведениями других писателей. В редкие минуты отдыха любил он уходить в район стадиона с тетрадкой, а иногда и с отдельными листками бумаги; отыскивал укромный уголок и, насколько позволяло время, писал. Некоторые матросы даже подшучивали над ним, называя то «писателем», то «поэтом». Еще руководил он драмкружком, в котором ставили одноактные пьесы, скетчи, инсценировки.

Когда корабли флота готовились к походу в соседние страны с дружественным ви-

зитом, на один из них направляли лучших радистов, и в числе их Шукшина. Но не суждено ему было участвовать в походе. С острым приступом язвенной болезни он попал в госпиталь. А вскоре пришел приказ об увольнении старшего матроса Шукшина по болезни в запас. Тогда-то и приехал он после многолетней разлуки в родные Сrostки.

Потом была до краев наполненная трудом, напряженной творческой жизнью, которая оборвалась от острой сердечной недостаточности осенью 1974 года в каюте теплохода, где жила съемочная группа фильма «Они сражались за Родину». Посмертно, почти два года спустя, Шукшину была присуждена Ленинская премия за выдающиеся достижения в киноискусстве.

А. ДИВОЧКИН.

На снимке: дом-музей В. М. Шукшина в Сrostках. Фото В. СМОЛЯКОВА.